

У Шэнь Юньшу с госпожой Лань никогда не было близких отношений, поэтому она и не собиралась вмешиваться в эти пустяки. На следующий день она по-прежнему рано встала и привела себя в порядок: подумав, что утреннее чтение может принести больше пользы, она встала на полчаса раньше обычного.

— Шуэр, я сначала схожу к Линъяо.

— Сестра, ты стала так близка с Линъяо, а мисс Чэнь и мисс Шу ничего не сказали?

Шэнь Юньхуа лишь слабо улыбнулась.

— У мисс Чэнь гордая натура, разве она станет терпеть, если я отдалюсь? Мисс Шу — такая же, внутри она сильная; им вдвоём, возможно, даже вольнее.

Шэнь Юньшу удивилась:

— Сестра хочет сказать, что они нашли общий язык?

Шэнь Юньхуа улыбнулась, ничего не ответив. Скорее это было похоже на противостояние, чем на взаимопонимание.

Первый урок был посвящён этикету и правилам поведения. Учитель, видя, что все сильно утомились, смилостивился и рассказал лишь о правилах приёма и проводов гостей, попросив всех вести записи. Учителя игры в го и каллиграфии были людьми опытными, не выставлявшими напоказ свои таланты, поэтому Шэнь Юньшу перенимала у них всё более спокойный нрав.

По окончании занятий сёстры рука об руку отправились домой. Шэнь Юньшу сначала повторила уроки по управлению хозяйством и поведению в обществе, а затем, испытывая лёгкое волнение, пошла в покои Шуньин к матери за советом. К её удивлению, госпожа Чэн встретила её довольно милостиво, и следа не было недовольства, проявленного позавчера.

Вернувшись, она услышала от Цинша, что старший сын ходил к госпоже просить за неё, и не могла не вздохнуть с чувством.

— Барышня, пора к ужину. Сегодня подали ваши любимые фрикадельки «Сыси» и лotosовые лепёшки.

Госпожа Цао, видя, что дни девушки становятся всё лучше, не могла не радоваться.

Молодая госпожа расцвела, став похожей на свою родную мать, но в ней прибавилось ещё больше твёрдости и пронизательности.

Шэнь Юньшу поела вполтину, прополоскала рот и приказала Цинлянь растереть краски: внезапно возникло желание рисовать.

Цинлянь почтительно согласилась. Шэнь Юньшу, видя, как тщательно та подобрала цвета, почувствовала в сердце ещё больше жалости.

Бедная девушка из богатого дома...

— Барышня, пора отдыхать.

— Да.

Шэнь Юньшу ещё раз взглянула на картину с двумя женщинами, сидящими в беседке друг напротив друга. Молодая девушка в зелёном платье, ещё не потерявшая детской наивности, сидела на тёмно-синей подушке, с выражением почтительности и лёгкой растерянности. Женщина напротив была прекрасна, словно на картине, её осанка была величественной и доброжелательной; губы слегка приоткрылись, а ветерок поднял край её платья цвета румян.

— Ваша барышня ещё не обладает достаточным мастерством, чтобы изобразить эту несравненную красавицу.

Цинхуань была смущённой и лишь сказала:

— Рабыня не знает, кто эта красавица на картине. Знает только, что раз она удостоилась внимания барышни, то, должно быть, подобна небожительнице.

На следующий день, когда она проснулась, за окном было ещё темно. Цинхэ услышала шорох и тихо осведомилась, но Шэнь Юньшу лишь приказала ей принести лисью накидку и сама подошла к окну. Её длинные, как водопад, волосы рассыпались по спине, в полузакрытых сонных глазах плескалась влага, а тёмно-зелёная лента на шее делала кожу ещё более белоснежной.

Цинхэ подумала, что у её барышни, пусть и нет яркой и пленительной внешности, есть особый, возвышенный и чистый темперамент.

Видя, как она тихо отворяет окно и смотрит вдаль, где на фоне роскошных башен медленно поднимается оранжевое солнце, озаряя золотым светом османтус перед домом, Цинхэ сказала:

— Барышня, осенью по утрам холодно. Тёплая вода уже готова, позвольте рабыне прислуживать вам при умывании.

Шэнь Юньшу очнулась и слегка кивнула.

— Сегодня надену платье из тонкой парчи с узором из облаков и диких гусей и лёгкую юбку из мягкой серебристой ткани с лилиями, а сверху — тёплую атласную накидку с перьями и изумрудным узором.

Шэнь Юньшу на мгновение задумалась, а затем быстро добавила:

— Причёску сделай «Сто цветов», а украшения выберите золотую заколку с перьями и несколько жемчужных цветов сирени.

Она применила всё, что узнала за последние пять-шесть дней у наставницы Ши.

Цинша, слушая это, удивилась, и на её лице появилась радость.

— Барышня редко так старательно наряжается, рабыня обязательно не допустит ошибки!

Долго не слыша ответа от своей госпожи, она начала волноваться, украдкой взглянула и увидела, что лицо Шэнь Юньшу покрылось румянцем.

— Женщина наряжается для того, кто её любит, — госпожа Цао, появившись неведомо когда в дверях спальни, промолвила. — Барышня выросла, пора и принарядиться.

Цинша, увидев няню Цао, поприветствовала Шэнь Юньшу поклоном и поспешила за одеждой и украшениями, которые заказала госпожа. Госпожа Цао сделала реверанс:

— Здравия желаю, барышня.

Шэнь Юньшу поспешила ответить поклоном, лицо её всё ещё горело.

Сегодня она планировала после завтрака снова отправиться в Павильон Первых Чернил: Цинхэ доложила, что в библиотеке в бездействии сидит старец, оказавшийся известным конфуцианским учёным Цянь Чаосянем.

Старцу Цяню уже перевалило за семьдесят. После отставки он не вернулся на родину, а открыл книжную лавку в столице. По его словам, приехал он в столицу на экзамены ещё в юности, и с тех пор прошло уже более пятидесяти лет; на родине остались лишь несколько одиноких могил, поэтому он решил остаться в столице и наставлять молодое поколение, тем самым внося свой вклад в процветание династии. Он пережил три правления, и даже нынешний император относился к нему с большим почтением. Шэнь Юньшу удивилась, что не узнала об этом раньше, и старательно припомнила, не нарушила ли она этикет в прошлый раз.

Однако сегодняшний наряд был выбран не для этого.

Автор хочет сказать:

Важная сюжетная линия: как вам пара Юньхуа и Линьяо? Но независимо от того, будет ли это роман, старшая сестра обязательно выйдет замуж...

Спасибо за комментарии!

Я знаю, что аннотации становятся всё менее аккуратными, прошу прощения.

Примечание (1): ранее говорилось, что учительницы в Дунлине часто давали обет безбрачия, но в эту эпоху такого выбора ещё не было, это авторская вольность.

Примечание (2): госпожа Лань называет своего сына «Цзинэр», что немного нарушает правила, «Цзин-гээр» было бы более уместно. Шэнь Юньцин, называя себя «эр», тоже нарушает правила, но он ещё молод, и это не считается большой ошибкой.

Примечание (3): госпожа Цао называет Юэши «её матерью», потому что не хочет вспоминать её статус наложницы.

Юйци... Княжна Цило часто бывает в Павильоне Первых Чернил, удастся ли сегодня с ней встретиться?

Шэнь Юньшу усмехнулась над собой: обе они учились в одной академии, а она придумала себе тайное свидание. Но она действительно хотела извиниться за вчерашнее безрассудное поведение и найти способ поговорить подольше; в столице сколько угодно умных и утончённых девушек, кто знает, не была ли прихотью княжны то, что она нашла её? Думая так, она почувствовала некоторую печаль.

— Барышня, в следующем году вам исполнится тринадцать, пора подумать о женихах, — госпожа Цао наблюдала за её выражением лица.

— О чём вы думаете, няня? — Шэнь Юньшу не знала, плакать или смеяться. — Я просто думаю, что, получив жетон на выход из особняка, нельзя ронять достоинство детей семьи Шэнь. В академии можно одеваться проще и скромнее, но выходя в люди, нужно иметь вид благородного дома.

Но на душе стало тяжело.

Действительно, пришло время подумать о сватовстве. Хотя мать обещала, что при хороших успехах в учёбе её не отдадут в наложницы, и не выберут семью с дурной репутацией, она всё равно инстинктивно сопротивлялась. Сколько семей могут быть такими же гармоничными, как её собственная? На первый взгляд, быть госпожой дома кажется свободнее, чем быть незамужней девушкой, но на самом деле это требует огромных душевных сил и осторожности.

Ах! Она и вправду хотела бы поступить, как учительница: собрать волосы в пучок и дать обет безбрачия. Но хотя семья Шэнь и не принадлежала к древней знати, после нескольких поколений она снискала звание учёного сословия, и как же она могла заставить своего доброго и мудрого отца потерять лицо?

Госпожа Цао отнеслась к этому с недоверием, но не стала спрашивать. Барышня относилась к ней близко, но всё же нужно было соблюдать границы.

Шэнь Юньшу подозвала Цинхэ и Цинлянь, надела шляпу с вуалью. Хотя в династии Даюэ нравы были довольно свободными и женщине не считалось зазорным показываться на людях, Шэнь Юньшу подумала, что, возможно, княжна оценит её соблюдение строгих придворных правил?

Она угадала, но причина была не в этом.

Гу Юйци заняла место в углу у окна на третьем этаже, сидя за простым деревянным столом и перелистывая сборник стихов. Утреннее солнце, проникая сквозь решётку окна, падало на её плечи, было очень тепло и уютно.

Бросив случайный взгляд на улицу, она заметила знакомую фигуру. Наряд Юньшу сегодня напоминал ярко-зелёное пятно среди осенних красных листьев — благородный и чистый. Жаль только, что её ясные и светлые глаза были скрыты вуалью, виднелся лишь маленький округлый подбородок; сзади спускалась коса, слегка покачиваясь и вызывая лёгкий зуд в сердце.

Она улыбнулась и, повернув голову к Идуань, сказала:

— На третьем этаже как-то душно, спустимся вниз.

Идуань удивилась:

— Княжна, уже почти десятая луна, как может быть жарко?

Не успела она договорить, как Ицзинь бросила на неё укоризненный взгляд и обратилась к Гу Юйци с извинением.

— Княжна, Идуань не умеет себя вести...

— Ничего, рядом всегда должна быть какая-нибудь живая служанка, — промолвила она и приказала убрать со стола чай и угощения, а Идуань велела взять книги и медленно спуститься вниз.

— Юньшу, здравствуй.

— Ваша покорная слуга приветствует княжну.

Гу Юйци мягко кивнула.

— Ты пришла искать книги?

<http://bllate.org/book/16779/1542707>